

RU

Прецедентные имена советских государственных деятелей
в поэтических текстах Т. Ю. Кибирова

Резников Д. Р., Паршина О. Д.

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей использования и закономерностей функционирования прецедентных имен советских государственных и политических деятелей в поэтическом тексте Т. Ю. Кибирова. Научная новизна заключается в том, что впервые в поэме Т. Ю. Кибирова «Жизнь К. У. Черненко» (1988) и в сборниках стихотворений автора «Рождественская песнь квартиранта» (1986), «Песни стилиаги» (1986), «Три послания» (1987-1988), «Время подумать уже о душе. Своевременная книжка» (2014-2015) выявлены и классифицированы прецедентные имена, определены их функции в поэтической речи автора, проведен анализ первоисточников, исследована трансформация исходных онимов по сравнению с использованными автором вариантами. В результате установлено, что прецедентные имена в поэтических текстах Т. Ю. Кибирова базируются на первоисточниках, связанных с Советским государством. Поэт использует их в качестве прямого биографического упоминания той или иной личности, что позволяет актуализировать идеологические установки, вызванные ассоциациями с тем или иным онимом. При включении в текст в большинстве случаев прецедентные имена употребляются без трансформации, также выявлены случаи изменения исходной формы. Первоисточники прецедентных онимов охватывают широкий временной спектр от 1910 до 1980 г.

EN

Precedent names of Soviet politicians in the poetic texts of T. Yu. Kibirov

Reznikov D. R., Parshina O. D.

Abstract. The purpose of the study is to reveal the peculiarities of use and the functioning norms of the precedent names of Soviet state leaders and politicians in the poetic texts of T. Yu. Kibirov. The poem “K. U. Chernenko’s Life” (1988) and the collections “The Christmas Song of a Lodger” (1986), “A Stilyaga’s Songs” (1986), “Three Epistles” (1987-1988), “It’s Time to Think about the Soul. A Timely Book” (2014-2015) are analyzed. The scientific novelty of the study is accounted for by the fact that precedent names are defined and classified in the poetic works of T. Yu. Kibirov. The functions of these precedent names are determined in the author’s poetic speech. The transformation of the original onyms in comparison with the author’s variants is studied. As the result, it is established that precedent names in the poetic texts of T. Yu. Kibirov are based on the primary sources of the Soviet state and used by the poet as explicit biographic references to a certain figure. This fact allows actualizing the ideological attitudes associated with a particular onym. In most cases, precedent names are used without any transformation in the text, but the cases of changing the original form are identified. The original sources of precedent onyms encompass a broad time period from 1910 to 1980.

Введение

Изучение прецедентных феноменов в русскоязычном дискурсе началось в конце XX века, и работы, посвященные их рассмотрению, представляют сегодня определенный научный интерес, особенно в контексте анализа поэзии авторов концептуалистов и постконцептуалистов. Интересным с этой точки зрения представляется выявление особенностей функционирования прецедентных онимов в поэтических текстах Т. Ю. Кибирова. Одним из источников их происхождения послужили имена государственных и политических деятелей различных периодов существования Советского Союза.

Актуальность предлагаемого исследования заключается в выявлении особенностей функционирования и реинтерпретации смыслов, актуализируемых прецедентными именами советских государственных деятелей, позволяющих проследить тенденции использования таких единиц в языке поэтических текстов Т. Ю. Кибирова, в зависимости от обращения автора к тому или иному периоду советской истории и его позиции в гражданской лирике.

При этом ряд практических и теоретических вопросов остается открытым, в частности об описании роли прецедентных онимов в процессе эмоционального воздействия на реципиентов авторского текста, об определенной реакции на основе связи с различными пластами культуры и ее проявлениями в сознании читательской аудитории, о границах между прецедентностью и интертекстуальностью (Чистополова, 2018, с. 35-38; Котельников, 2016, с. 10-12). Высказываются различные точки зрения на то, что считать прецедентными текстами, на их функционирование и роль в художественном тексте (Кудрина, 2005, с. 38). Вместе с этим рассмотрение творчества Т. Ю. Кибирова в различных аспектах, как литературоведческих, так и языковых, является актуальным для научных исследований в силу его значительной роли в современной культуре и литературе. Анализ текстов Т. Ю. Кибирова позволяет раскрыть множество аспектов, связанных с языковыми и стилистическими особенностями его произведений, а также их влияние на развитие отечественного литературного процесса в целом начиная с 80-х гг. прошлого века и до сегодняшнего дня.

Гипотеза исследования заключается в том, что в текстах Т. Ю. Кибирова имеет место наличие ряда прецедентных имен, первоосновой которых выступают имена советских государственных и партийных деятелей, относящихся к широкому временному отрезку истории Советского Союза. Объектом исследования выступает лингвистическая основа поэтических текстов, в рамках которой были обнаружены признаки прецедентности и выявлены первоисточники прецедентных онимов. Цель предлагаемого исследования обусловила постановку следующих задач: 1) выявить и классифицировать прецедентные феномены в поэтических текстах Т. Ю. Кибирова в поэме «Жизнь К. У. Черненко» и в сборниках стихотворений автора «Рождественская песнь квартиранта», «Песни стилиаги», «Три послания», «Время подумать уже о душе. Своевременная книжка»; 2) установить первоисточники прецедентных онимов, используемых автором в качестве материала для построения поэтического текста; 3) проанализировать трансформацию конечного варианта прецедентного текста по сравнению с исходным.

В предлагаемой работе были использованы общетеоретические методы исследования, такие как анализ и синтез, для разработки теоретической основы исследования, а также методы систематизации и обобщения практического материала. Примеры из текста были отобраны методом сплошной выборки, в то время как описательный метод использовался для анализа языкового материала. Контекстный анализ был применен для рассмотрения прецедентных имен в контексте. Кроме того, в ходе исследования был задействован количественный метод (статистический анализ), при помощи которого представлена статистика по количеству вхождений прецедентных имен в поэтических текстах Т. Ю. Кибирова.

Теоретической базой исследования послужили работы Д. Б. Гудкова (2020, с. 16-19), В. В. Красных (2003, с. 33), Г. Г. Слышкина (2000, с. 97-98), Ю. Н. Караулова (2010, с. 75), Н. А. Кудриной (2005, с. 38-39), в которых рассматриваются различные аспекты изучения прецедентных феноменов, в данном случае их конкретного подтипа – прецедентных онимов.

Материалами исследования выступили:

- Кибиров Т. Ю. Время подумать уже о душе. Книга новых стихов. СПб.: Пушкинский фонд, 2015.
- Кибиров Т. Ю. Сантименты. Восемь книг. Белгород: РИСК, 1993.
- Окуджава Б. Ш. Стихотворения / вступ. статьи Л. С. Дубшана и В. Н. Сажина; сост. В. Н. Сажина и Д. В. Сажина; примеч. В. Н. Сажина. СПб.: Академический Проект, 2001.

Кроме того, в качестве источника справочного материала использовался следующий словарь:

- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. М.: АСТ; Астрель, 2008.

Практическая значимость исследования заключается в том, что представленный анализ поэтических текстов Т. Ю. Кибирова позволяет развить процесс изучения феномена прецедентности в исследовании языка современной поэзии и дополнительно рассмотреть советскую историческую основу в творчестве Т. Ю. Кибирова. Также изучение прецедентных феноменов и их функций служит для исследования межтекстовых связей и позволяет наблюдать происходящие при таких связях процессы. Кроме того, может быть использовано при изучении курсов «Современный русский язык» и «Филологический анализ текста» в высших учебных заведениях.

Обсуждение и результаты

Уже в раннем периоде (конец 1980-х годов) творчества Т. Ю. Кибирова было обнаружено обращение к феноменам советской действительности, связанным с идеологическими мифами и биографиями исторических личностей периода СССР, и коммунистической агитацией (Резников, 2021, с. 173-176). В этом контексте поэт находил новые смыслы в уже известных фактах культуры, основываясь на прецедентных онимах, которые преобладали в его творчестве в данный период, а также на широкой базе источников прецедентных феноменов («Рождественская песнь квартиранта» (1986), «Песни стилиаги» (1986), «Три послания» (1987-1988), «Жизнь К. У. Черненко» (1988), «Время подумать уже о душе. Своевременная книжка» (2014-2015)). Наблюдаются также параллели между ранним и современным этапами творчества поэта, связанные с серьезными политическими и экономическими изменениями, а также актуальной политической повесткой («Время подумать уже о душе. Своевременная книжка» (2014-2015)). Тем не менее советская действительность продолжает оказывать постоянное влияние на творчество Кибирова.

Теорию прецедентности в научный оборот ввел Ю. Н. Караулов (2010, с. 75), который в своей работе «Русский язык и языковая личность» предложил теорию прецедентных текстов, основанную на трудах В. В. Виноградова

и других исследователей, изучающих языковую личность (ЯЛ). Согласно этой теории, прецедентными являются тексты, которые важны «с познавательной и эмоциональной точек зрения», и «они должны быть хорошо известны как предшественникам рассматриваемой ЯЛ [языковой личности. – Д. Р., О. П.], так и корректно восприниматься ее современниками» (Караулов, 2010, с. 75). Кроме того, обращение к прецедентам должно постоянно актуализироваться в рамках дискурса языковой личности.

Важно отметить, что исследования прецедентных феноменов в связи с исследованиями языковой личности происходят параллельно. Это обусловлено тем, что дискурс является реализацией языкового сознания, которое имеет неразрывную связь с языковой личностью (Гудков, 2020, с. 9-11).

Если говорить о языковой личности в контексте восприятия и создания прецедентных феноменов, необходимо упомянуть фактор, который напрямую связан с ее обусловленностью в рамках той или иной национальной культуры. В данном случае языковое сознание рассматриваемой личности вступает во взаимоотношения с сознаниями других языковых индивидов, и возникает вопрос об ее этническом разграничении. Современные исследователи, включая Д. Б. Гудкова, предлагают использовать термин «лингвокультурное сообщество» для обозначения этой концепции.

Анализ указанных фактов свидетельствует о присутствии прямой и неразрывной взаимосвязи между феноменом прецедентности и языковым сознанием. Для того чтобы более глубоко исследовать данную связь, необходимо обнаружить общие когнитивные точки соприкосновения внутри лингвокультурного сообщества.

Это подтверждается работой Д. Б. Гудкова «Прецедентное имя и проблемы прецедентности», в которой исследователь считает, что «изучение ядерной инвариантной части русского языкового сознания напоминает выявление основных черт национального характера и этнической психологии» (2020, с. 20-21). Стоит отметить, что существует также связь с высокоэмоциональным спектром чувств или эмоций. По мнению автора, «каждый объект вызывает ассоциативную реакцию, которая, в свою очередь, является импульсом к более или менее типичному действию, передающемуся от предыдущих поколений. Это также может быть связано с глубиной ценностной структуры конкретной личности, воплощенной в ее архетипах» (Гудков, 2020, с. 20-21). Все вышеупомянутое представляет этническую особенность, которая лежит в основе индивидуального опыта (Гудков, 2020, с. 20-21; Анкудинов, 2014, с. 5-8).

Д. Б. Гудков утверждает, что прецедентные феномены «позволяют воспроизводить похожие случаи с помощью специальных вербальных сигналов, не создавая нового содержания, а актуализируя уже существующее» (2020, с. 31-32). Прецедентные феномены связаны с «коллективными инвариантными представлениями конкретных культурных объектов, национально детерминированными минимизированными представлениями последних» (Гудков, 2020, с. 34-37). Это означает, что прецедентные феномены являются особой группой явлений, имеющих уникальные онтологические свойства, качества и характер предметов и явлений, которые хорошо узнаваемы и воспроизводимы в определенном сообществе (Быстрова, 2018, с. 15-18).

А. А. Котельников (2016, с. 10-12) в работе «Межтекстовые отношения в русской поэзии XX века» рассматривает, как межтекстовые связи влияют на смысл и творческий подход авторов, а также как они отражают культурный контекст эпохи. Важно отметить, что указанный подход не ограничивается только анализом связей между текстами, но также применяется к исследованию связей между разными культурными контекстами, идеями и образами.

Исследование связи между прецедентностью и интертекстуальностью, проведенное Н. А. Кудриной (2005, с. 38), выявляет определенную параллель между данными явлениями, однако их рассмотрение осуществляется в контексте различных объектов исследования. Границы между интертекстом и прецедентным текстом достаточно формальны, и «простая интертекстема может трансформироваться в прецедентную в определенных условиях, учитывая важность передаваемой идеи и эффективность способа ее выражения» (Кудрина, 2005, с. 38). В то же время прецедентный текст может утратить свою семантическую значимость в результате отсутствия ссылок на него в продолжительный период времени и рассматриваться как обычный интертекст (Чупрына, 2020, с. 294-309).

В отношении функций прецедентного текста ученые предлагают разные подходы. Так, информативные, апеллятивные и контактные функции выделяет А. А. Чистополова (2018, с. 35-38). Ю. М. Лотман (2011, с. 294-309) считает возможным рассматривать метаязыковые, творческие и памятные функции. Эти функции прецедентного текста обусловлены его значимостью и способностью влиять на процессы коммуникации и создание новых текстов.

Отдельного внимания заслуживает предложенный Г. Г. Слышкиным и используемый в настоящее время подход к классификации прецедентных феноменов при анализе художественных, рекламных и других текстов. Одной из гипотез, выдвинутой автором, является выделение нескольких основных функций прецедентов: номинативной, персуазивной, людической и парольной (Слышкин, 2000, с. 91-113). Номинативная функция заключается в использовании прецедентных феноменов для обозначения и выделения отдельных частей окружающего мира и формирования понятий об этих объектах у реципиента авторской речи. Это способствует ясности и определенности в коммуникации, позволяет создать общее понимание и согласованность между автором и адресатом. Персуазивная функция прецедентных феноменов направлена на убеждение адресата речи в определенной идее или позиции. Использование прецедентов в этом контексте позволяет вызвать эмоциональный отклик и влиять на реакцию и поведение получателя сообщения. Людическая функция прецедентов связана с обращением к концептам и предшествующим текстам. Она нацелена на установление определенного настроения в начале коммуникации, вовлекая читателя в определенный контекст и создавая связи с предыдущими текстами, что влияет на последующую коммуникацию. Парольная

функция прецедентных феноменов основана на стремлении разделить аудиторию на условные «свою» и «чужую». Прецеденты используются для создания своеобразного кода, позволяющего идентифицировать членов определенной группы или сообщества, усиливая чувство принадлежности и сопричастности.

На основе исследований В. В. Красных (2003, с. 218), Д. Б. Гудкова (2020, с. 47) в области типологии прецедентных феноменов выделяются четыре основных типа: прецедентные имена (онимы) (ПИ), прецедентные ситуации (ПС), прецедентные высказывания (ПВ) и прецедентные тексты (ПТ). Каждый из этих типов обладает уникальными характеристиками. Необходимо отметить, что, несмотря на классификацию прецедентных феноменов на вербальные (ПИ и ПВ) и вербализуемые (ПТ и ПС) (Красных, 2003, с. 219-221), границы между ними не всегда явно определены и могут быть подвержены изменениям.

Прецедентные онимы – это собственные имена, которые в ходе общения могут служить прецедентами, то есть вызывать у собеседников определенные ассоциации, эмоции или представления о конкретных явлениях, объектах или событиях в мире. Прецедентные онимы относятся к семантическим прецедентам и могут выполнять различные функции в коммуникации. Они могут использоваться для обозначения социокультурных явлений, исторических событий, местности и других объектов, которые имеют определенную ценность для сообщества (Данилевич, 2018, с. 61-63).

Прецедентные феномены, являясь составляющей когнитивной базы носителей языка, обуславливают восприятие текста и задают определенную систему оценок (Паршина, 2020; 2022; Parshina, Gurova, Gudkova, 2021).

Озвученные выше подходы и функции прецедентных феноменов могут стать основными «инструментами» в рамках предлагаемого исследования.

Теперь перейдем к анализу материала, содержащегося в поэтических сборниках. В поэме «Жизнь К. У. Черненко» (1988) был выявлен ряд прецедентных онимов, относящихся к тематике советских политических деятелей.

В главе I «Пастушок» обнаружено ПИ *Константин Устиныч*, отсылающее реципиента авторской речи к имени советского партийного и государственного деятеля, главы Советского Союза 1984-1985 гг. Константина Устиновича Черненко: «...И много лет спустя, уже в тридцатых, // увлекшись самбо, Константин Устиныч...» (Кибиров, 1993, с. 23). Следует отметить, что отчество используется Т. Ю. Кибировым в разговорной огласовке, вероятно, с целью представить персонажа как человека обычного. Сама поэма, несмотря на достаточно официальное название, преследует очевидно сатирические цели, отсюда и применение подобных приемов для воздействия на читателя. Еще одно ПИ *Сталин* прямо отсылает к фамилии генералиссимуса, советского партийного и государственного деятеля Иосифа Виссарионовича Сталина: «...Ну, что за глупость в голову ты вбил? / И Сталин прав, что отчитал тебя // (хотя, конечно, крут он, ох, как крут!)...» (Кибиров, 1993, с. 25). Трансформация по сравнению с первоисточником в тексте Кибирова отсутствует. Третьим ПИ, выявленным в тексте, стало *Лёнька Брежнев*. Данный оним связан с именем и фамилией советского государственного и партийного деятеля КПСС Леонида Ильича Брежнева: «...Жму крепко твою лапу. Не дури. / Жене привет. Твой Лёнька Брежнев...» (Кибиров, 1993, с. 25). По аналогии с первым выявленным онимом, в данном случае имя Брежнева представлено в разговорно-просторечной форме *Лёнька*, что связано с программированием реципиентов авторской речи на сниженное восприятие образа-первоисточника: некий «подрыв авторитета», изображение Л. И. Брежнева как простого человека, а не Генерального секретаря. Последним из выявленных ПИ является фамилия *Черненко*. Стоит отметить, что в начале стихотворного произведения упоминаются имя и отчество в разговорном варианте, а в конце – фамилия. Вероятно, это связано с тем, что автор хотел передать разницу восприятия читателем образа-первоисточника исторической личности К. У. Черненко.

В главе IV «Ради жизни на Земле» поэмы «Жизнь К. У. Черненко» в ходе анализа были выявлены следующие онимы: *Брежнев, Константин Устинович* (три вхождения). В первом случае – отсылка непосредственно к имени советского Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева: «...И Брежнев резко сдернул одеяло. // “Ну, Лёня, не балуйся! Ну, минутку / дай полежать еще”» (Кибиров, 1993, с. 32). Трансформация, как и в первой главе, сводится в данном случае к разговорной форме имени. Следующим ПИ, выявленным в ходе анализа текста IV главы поэмы, является *Константин Устинович*: «...Невольню улыбнувшись, Константин Устинович / продолжил выступление...»; «Прощай же, // мой Константин Устинович! Два года, // два года мы с тобой были вместе...»; «Мне грустно, Константин / Устинович. Но таковы законы / литературы, о которой ты / пред смертью говорил...» (Кибиров, 1993, с. 50). Означенный оним отсылает к личности К. У. Черненко, трансформация имени и отчества по сравнению с оригиналом отсутствует. Однако в противоположность схожему ПИ *Константин Устиныч* возврат автора к полной форме имени Генерального секретаря, с одной стороны, обозначает стремление Т. Ю. Кибирова в развязке стихотворения задать торжественный и официальный тон повествования, с другой – обращение к герою поэмы через местоимение *ты* вызывает обратный эффект читательского восприятия. Таким образом, Кибиров, применяя ПИ в подобном ключе, поддерживает общий сатирическо-памфлетный тон поэмы, нарочито названной и стилизованной под литературу социалистического реализма первой половины 1980-х годов.

В сборнике «Песни стилиаги» (1986) в стихотворении «Христологический диптих» Т. Ю. Кибиров использует следующие прецедентные онимы: *Джугашвили, Хрущев, Иванов, Ленин*. Трансформация по сравнению с исходными вариантами отсутствует. Наблюдается своеобразное противопоставление между онимами *Хрущев* и *Джугашвили*, выражающееся в виде различия между уровнями художественного пространства. Оним *Иванов* в данном случае отсылает к одному из конспиративных имен В. И. Ленина и событиям Октябрьской революции как некоего начала, контекста событий. ПИ *Ленин* в данном случае упоминается скорее как идеологический символ и компиляция идеологических смыслов, а не политическая фигура.

В сборнике стихотворений «Рождественская песнь квартиранта» (1986) прецедентные онимы, связанные с именами советских государственных деятелей, выявлены в стихотворениях «Рождественские аллегии III», «Песнь о Ленине», «В рамках гласности». Рассмотрим первое из них. ПИ *Сталин* (в контексте портрета): «...Но сидит он и плачет. А Сталин глядит. / Задом вертит Леонтьев с экрана... / Значит, жалость и стыд, значит, жалость и стыд, // Только жалость да стыд полупьяный...» (Кибиров, 1993, с. 69). Наблюдается антитеза онимов *Сталин* – *Леонтьев*, где историческая личность И. В. Сталина выступает антиподом образу советского (российского) музыкального исполнителя В. Я. Леонтьева. Тем самым задается определенная программа восприятия образа лирического героя через противопоставление указанных выше образов (речь в стихотворении идет о ветеране). Оним *Ленин*, который упоминается четыре раза без изменений, представлен также в трансформированном варианте в уменьшительно-ласкательной форме *Ленинчик*: «...Ходит Ленин во лугах, // а печник не лается. / Пальцем ласково грозя, // Ленин приближается...» (Кибиров, 1993, с. 121); «Ленин-дедушка рукой гладит по голове: // Ишь вы гаденький какой, и какой неловкий!..» (Кибиров, 1993, с. 121); «...Ленин-дедушка меня / садит на колени, // не ругая, не виня / и не ставя к стеночке...» (Кибиров, 1993, с. 121); «...Ленин, дедушка родной! / Ленинчик! Дедулечка! / Гладит ласковой рукой, // кормит чаем с булочкой...» (Кибиров, 1993, с. 121).

В примерах выше представлено несколько существующих одновременно образов, посредством которых Т. Ю. Кибиров формирует у читателя определенное восприятие, апеллирует к первоисточнику в виде фамилии государственного деятеля и связанных с ней идеологических концептов.

В стихотворении «Песнь о Ленине» из указанного выше сборника ПИ *Ленин* упоминается пять раз (трансформация по сравнению с оригиналом отсутствует): «...Мама, я Ленина люблю! / Мама, я за Ленина пойду! Ленин – он весны цветенье, // зори новых поколений – / и за это я его люблю!..» (Кибиров, 1993, с. 77); «Ленин – бездна звезд полна! / Нет у этой бездны дна! / Мама! Я Ленина люблю...» (Кибиров, 1993, с. 78). Применяя этот оним, Т. Ю. Кибиров, как и в рассмотренных выше случаях, настраивает свою аудиторию на определенное восприятие образа и связанных с ним лингвокультурных смыслов.

В стихотворении «В рамках гласности» из того же сборника автор использует имена трех политических советских деятелей разных эпох: *Ленин*, *Сталин*, *Черненко*. Все трое занимали должность главы Советского государства в 1917-1924, 1924-1953 и 1984-1985 гг. соответственно. В самом произведении речь идет о Перестройке как политическом процессе (недаром слово специально употребляется с большой буквы) и некоем ее художественном воплощении (в стихотворении описывается ситуация перестройки памятника Сталину, очевидно, как символа советской системы, требующей реформации): «...Перестройкой? А чего конкретно / можно ли узнать, товарищ мой? / – Отчего ж нельзя, секретов нету. / Памятника Сталину, родной...» (Кибиров, 1993, с. 85-93). Трансформация имен-первоисточников отсутствует.

В сборнике «Три послания» (1987-1988) прецедентные онимы, связанные с именами советских политических деятелей, также присутствуют. В стихотворении «Л. С. Рубинштейну» представлены ПИ *Сталин*: «...Да и нынче все иное! / Солженицын зря потел! / Вот на Сталина грозю // Вознесенский налетел!..» (Кибиров, 1993, с. 159-193); ПИ *Берия*: «...И на Сталина войною, / и на Берию войной! / Вслед за партией родною, // вслед за партией родной!..» (Кибиров, 1993, с. 159-193); ПИ *Черненко* и *Хрущев*: «...Все проходит. Все, конечно. / Дым зловеший. Волчий ров. / Как Черненко, быстротечно // и нелепо, как Хрущев...» (Кибиров, 1993, с. 159-193); ПИ *Ильич* (используется общепринятая форма отчества вместо фамилии *Ленин*) и *Крупская* (Н. К. Крупская – российский революционер, советский государственный, партийный, общественный и культурный деятель, организатор и главный идеолог советского образования и коммунистического воспитания молодежи): «...Как Ильич, бесплодно, Лева, // и, как Крупская, страшно! / Распадаются основы. / Расползается говно...» (Кибиров, 1993, с. 159-193). Оговоримся, что в данном случае обращение идет к поэту Льву Семеновичу Рубинштейну, которому и посвящено одно из «Трех посланий».

В стихотворении «Любовь, комсомол и весна» из указанного выше сборника, где название само по себе является прецедентным текстом, был выявлен ряд ПИ, отсылающих к именам советских деятелей, а именно: *Будённый* (С. М. Будённый – советский военачальник): «...А перед ними светлая заря – / в коммуны собираются крестьяне, // и золотятся нивы. И Буденный / на вороной кобыле выезжает...» (Кибиров, 1993, с. 187); ПИ *Троцкий* (российский революционер, советский государственный и политический деятель, основатель троцкизма – одного из течений марксизма): «...и Троцкий краснознаменный, // вдохновенный Троцкий приветствует бойцов...» (Кибиров, 1993, с. 186); ПИ *Сталин*: «...Все получают ордена. И Сталин / краснознаменный, вдохновенный Сталин / приветствует танкистов...» (Кибиров, 1993, с. 187-188); ПИ *Хрущев*: «...Никита Сергеевич Хрущев на Мавзолее / приветствует посланцев всех народов...» (Кибиров, 1993, с. 189); ПИ *Брежнев*: «...С новым рацпредложением выступил рабочий, // и награжден, и трижды награжден, // четырежды наш Брежнев вдохновенный...» (Кибиров, 1993, с. 190); ПИ *Михаил Сергеевич* (отсылка к имени главы Советского государства М. С. Горбачева): «...С телеэкрана Михаил Сергеевич, // краснознаменный, вдохновенный, мудрый...» (Кибиров, 1993, с. 192); ПИ *Ельцин* (советский и российский государственный деятель, первый президент РФ): «...Ельцин дерзновенный, // знамена, кока-кола, твердый рубль!» (Кибиров, 1993, с. 193); ПИ *Ленин*: «...И Ленин жив. И сладок поцелуй / девичьих губ. И Ленин жив! И будут / колбасы в магазинах, а в сердцах / любовь и пламень молодости нашей!..» (Кибиров, 1993, с. 193). Все перечисленные ПИ употребляются автором без каких-либо трансформаций, однако применение их многократно, большая часть из них используется в разных контекстах на основании противопоставления «герой – антигерой» в определенный исторический промежуток, к таковым относятся: *Троцкий*, *Сталин*, *Хрущев*, *Брежнев*. Например, в начале стихотворения, где герои Кибирова существуют в эпоху революции и в первые послереволюционные года, оним *Троцкий* употребляется в связке с определениями «краснознаменный» и «вдохновенный»: «...и Троцкий краснознаменный, // вдохновенный Троцкий

приветствует бойцов...» (1993, с. 186), а в части, где повествование ведется о 30-х годах прошлого века: «...И ненавистный Троцкий источает / кровавую слюну...» (1993, с. 186). Это связано с историческими процессами внутрипартийной борьбы Сталина и Троцкого, в результате которой последний был выдворен за границу Советского Союза, а в СМИ объявлен изменником и врагом народа, равно как и его «приспешники». Аналогична ситуация с онимом *Сталин*. В части стихотворения, где действие происходит в 30-е гг.: «...Все получают ордена. И Сталин / краснознаменный, вдохновенный Сталин / приветствует танкистов...» (Кибиров, 1993, с. 187) – и в другой части: «...и Сталин ненавистный, и джазисты, / баптисты...» (Кибиров, 1993, с. 188) – речь идет о 50-х гг. после разоблачения культа личности.

Представленные выше примеры демонстрируют изменение идеологических установок, заложенных в первоначальные образы политиков, в одно время демонизируемых, в другое – с изменением политического курса в стране – глаорифицируемых. С другой стороны, ПИ *Буденный*, например, на протяжении почти всего стихотворения не имеет негативной коннотации, однако и оно к финалу «разоблачается», тем самым меняя ассоциативное восприятие: «...А перед ними светлая заря – / в коммуну собираются крестьяне, // и золотятся нивы. И Буденный / на вороной кобыле выезжает» (Кибиров, 1993, с. 186), где речь идет про 20-е гг.; «...в колхозы собираются крестьяне / и золотятся нивы. И Буденный / на вороной кобыле выезжает...» (Кибиров, 1993, с. 187), где речь идет про 30-е гг.; «...в совхозы собираются крестьяне, // и золотятся нивы, и Буденный / на вороной кобыле в кинофильме...» (Кибиров, 1993, с. 188), где речь идет про 50-60-е гг.; «...и золотятся нивы. И Буденный / на вороной кобыле в снах мальчишек...» (Кибиров, 1993, с. 189), где речь идет про 70-е и начало 80-х гг., противопоставляются «...И Буденный / злым “Огоньком” разоблачен уже...» (Кибиров, 1993, с. 192), где речь идет про конец 80-х гг.

ПИ *Михаил Сергеевич и Ельцин*, как представители актуальной на тот момент политической конъюнктуры, имеют скорее положительную авторскую оценку, транслируемую Т. Ю. Кибировым.

В стихотворении «Художнику Семену Файбисовичу» из того же сборника выявлено два ПИ, которые актуальны в рамках предлагаемого исследования. К таковым относятся ПИ *Берия*: «Зря только Пушкина выбрал он фоном! / Лучшие бы Берию, лучше бы зону...» (Кибиров, 1993, с. 197) – и ПИ *Брежнев*: «Брежнева в Хельсинки, вора в законе! / Вот на таком-то вот, лапушка, фоне // мы обаятельны 70 лет!» (Кибиров, 1993, с. 197). Как и в перечисленных выше случаях, наблюдается отсутствие какой-либо трансформации. Обратим внимание на противопоставление онимов *Берия*, *Брежнев* и *Пушкин*. Первые два в авторской интерпретации выступают символами жестокости и отсутствия развития политической системы и страны, тоталитаризма и отсутствия свободы, последний языкоет роль антипода для них, символизируя духовное просвещение и преемственность культуры в нашей стране. Кроме того, с большой долей вероятности Т. Ю. Кибиров в этой части «Послания...» отсылает реципиентов авторской речи к стихотворению Б. Ш. Окуджавы (2001, с. 336) «Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину» и упрекает Окуджаву в том, что определяющим в стихотворении является прославление величия А. С. Пушкина и т. п., а не актуальная гражданская лирика: «Как обаятельны – мямлит поэт – // все наши глупости, даже злодейства... // Как обаятелен душка-поэт! // Зря только Пушкина выбрал он фоном!» (Кибиров, 1993, с. 197). Однако этот вопрос нуждается в дополнительном отдельном исследовании.

Последним из рассматриваемых в представленной работе сборников является «Время подумать уже о душе. Своевременная книжка» (2014-2015). В названии стихотворения «Куплеты из водевиля «Антимайдан, или Не было печали» представлен прецедентный текст, своими корнями восходящий к устному народному творчеству, в данном случае к поговорке «Не было печали, так черти накачали» (Федоров, 2008, с. 55), который задает тон всему дальнейшему повествованию, выполняя тем самым людическую функцию по Г. Г. Слышкину (2000, с. 121). ПИ *Брежнев* и *Сталин* используются в виде формы множественного числа *Брежневых*, *Сталиных*: «...Людей любил он вежливых, // Гимнасток и ткачих... / Каких ещё вам Брежневых / И Сталиных каких?» (Кибиров, 2015, с. 40), тем самым переводя их в категорию имен нарицательных (Суперанская, 1973, с. 182).

Таким образом, выявленные ПИ можно охарактеризовать по ряду оснований: отношению к определенному историческому периоду в жизни Советского государства, наличию и/или отсутствию трансформации, частотности представления в рассмотренных текстах, что и отражено в синоптической Таблице 1.

Рассмотренные ПИ выполняют определенные функции. Номинативная функция реализуется всеми ПИ, используемыми Т. Ю. Кибировым как «средство номинации реальности» (по Г. Г. Слышкину (2000)), например ПИ *Черненко* и *Хрущев*: «Все проходит. Все, конечно. / Дым зловещий. Волчий ров. / Как Черненко, быстро-течно // и нелепо, как Хрущев» (Кибиров, 2015, с. 159-193). Также можно выделить парольную функцию, поскольку все рассматриваемые в рамках исследования тексты рассчитаны на аудиторию, имеющую советский (впоследствии российский) культурно-идеологический «бэкграунд»: «Зря только Пушкина выбрал он фоном! / Лучшие бы Берию, лучше бы зону...» (Кибиров, 2015, с. 197). Используемые ПИ вызывают целый ряд ассоциаций у реципиентов авторской речи, что обеспечивает людическую функцию, например: «...Людей любил он вежливых, // Гимнасток и ткачих... / Каких ещё вам Брежневых / И Сталиных каких?» (Кибиров, 2015, с. 40). Персуазивная функция основывается на применении ПИ, связанных с определенными лингвокультурными смыслами, тем самым Кибиров воздействует на читателей, продвигая некие политические и общественные взгляды: «...Как Ильич, бесплодно, Лева, // и, как Крупская, страшно! / Распадаются основы. / Расползается говно...» (2015, с. 159-193).

Из приведенных выше данных можно сделать следующие выводы: 1) наиболее частотными единицами являются *Ленин* и *Черненко*, также представлены единично онимы *Буденный*, *Сталин*, *Брежнев*, *Троцкий*, *Берия*, *Хрущев*, *Горбачев*, *Крупская*, *Ельцин* в сборниках, относящихся к раннему периоду творчества автора; 2) онимы *Брежнев* и *Сталин* встречаются как в ранних, так и в поздних сборниках Т. Ю. Кибирова.

Таблица 1. Прецедентные имена советских государственных деятелей в поэтических текстах Т. Ю. Кибирова (в порядке убывания частотности)

№	Прецедентное имя	Варианты ПИ	Источник (сборник стихотворений)	Количество вхождений в поэтический текст
1.	Ленин	Иванов; Ильич	«Песни стилиги» (1986); «Рождественская песнь квартиранта» (1986)	10
2.	Черненко	Константин Устинович; Константин Устиныч	«Жизнь К. У. Черненко» (1988); «Рождественская песнь квартиранта» (1986)	6
3.	Буденный	-	«Три послания» (1987-1988)	5
4.	Сталин	Сталины, Джугашвили	«Жизнь К. У. Черненко» (1988); «Рождественская песнь квартиранта» (1986); «Песни стилиги» (1986); «Время подумать уже о душе. Своевременная книжка» (2014-2015)	5
5.	Брежнев	Лёнька Брежнев	«Жизнь К. У. Черненко» (1988); «Три послания» (1987-1988); «Время подумать уже о душе. Своевременная книжка» (2014-2015)	5
6.	Троцкий	-	«Три послания» (1987-1988)	3
7.	Берия	-	«Три послания» (1987-1988)	2
8.	Хрущев	-	«Три послания» (1987-1988)	2
9.	Крупская	-	«Три послания» (1987-1988)	1
10.	[Горбачев]	Михаил Сергеич	«Три послания» (1987-1988)	1
11.	Ельцин	-	«Три послания» (1987-1988)	1

Заключение

В ходе исследования было проанализировано 41 вхождение прецедентных имен, связанных с именами советских политических деятелей различных периодов существования Советского Союза. 28 из них (68%) используются без трансформации, в исходном виде, оставшиеся 13 (32%) претерпели ряд изменений, например опрощений, для снижения стиля до просторечия (ради достижения номинативной, парольной (по умолчанию), персуазивной и людической функций) и применения уменьшительно-ласкательных форм онимов (для достижения тех же целей). Необходимо отметить, что подход к использованию прецедентных онимов в творчестве поэта Т. Ю. Кибирова претерпел изменения. В начале своего творческого пути Кибиров преимущественно применял прецедентные имена для иллюстрации явлений окружающего мира, создавая яркие образы, которые вызывали определенные ассоциации и были связаны с актуальной идеологической повесткой того периода. Однако в настоящее время их использование приобрело более узкую направленность, связанную с демонстрацией и обозначением политических смыслов и подтекста.

На основании полученных в ходе исследования результатов можно сформулировать следующие выводы:

1) в рассмотренных произведениях автора, условно относимых к раннему периоду (хронологически конец 1980-х годов), отражаются советская действительность и советский «бэкграунд», реализуемый через прецедентные имена советских деятелей, а также посредством идеологических штампов, мифов и иных явлений, связанных с «советским дискурсом»;

2) имеют место наличие определенных параллелей между условно «ранними» и «более поздними» произведениями и применение как в первых, так и в последних прецедентных имен советских государственных деятелей, т. к. оба периода творчества и, соответственно, написанные в эти временные отрезки произведения связаны с рядом политических и экономических изменений в позднем СССР и нынешней РФ;

3) выявляется широкий диапазон первоисточников прецедентных имен различных деятелей, связанных с СССР, включая начало и конец XX века;

4) несмотря на отсутствие трансформации некоторых прецедентных онимов по сравнению с первоисточниками, функция «готового идеологического штампа» вызывает заранее «запрограммированную» Кибировым реакцию (функции ПИ выполняются, согласно теории Г. Г. Слышкина);

5) претерпевшие трансформацию прецедентные имена также выполняют номинативную, парольную, персуазивную и людическую функции, но достигаются последние иными средствами.

Для дальнейшего исследования творчества Т. Ю. Кибирова представляется важным проведение более глубокого анализа его работ, особенно тех, которые были созданы в 90-х и в начале 2000-х гг. Этот период считается периодом изменения фокуса внимания автора, который сместился от актуальной гражданской лирики в пользу других видов лирики, согласно мнению экспертов. Дальнейшие исследования помогут более глубоко понять и оценить эволюцию творческого стиля Кибирова и его влияние на современную поэзию. Отдельного внимания специалистов заслуживает дальнейшее исследование функционирования прецедентных имен в авторском тексте с точки зрения правомерности применения к ним теории Г. Г. Слышкина для оценки воздействия персуазивной функции на конкретные единицы прецедентных онимов, т. к. персуазивность зависит от субъективной позиции автора и не может быть применена к некоторым видам прецедентных феноменов.

Источники | References

1. Анкудинов К. Н. Романтизм против романтизма: дискурсивные парадоксы поэзии Т. Кибирова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2014. № 4.
2. Быстрова Т. Е. Креативно-статистический подход к определению понятия «прецедентный феномен» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 12 (87).
3. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: ЛЕНАНД, 2020.
4. Данилевич А. И. Прецедентные онимы в современном русском языке: лингвокогнитивный анализ // Язык. Культура. Познание. 2018. № 1.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.
6. Котельников А. А. Межтекстовые отношения в русской поэзии XX века. СПб., 2016.
7. Красных В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
8. Кудрина Н. А. Интертекстуальность и прецедентность: к вопросу о разграничении понятий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 4.
9. Лотман Ю. М. О трех функциях текста. М.: РОССПЭН, 2011.
10. Паршина О. Д. Об одной трансформации прецедентного феномена «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» при номинации провинции // Русский язык: образование, наука, культура: мат. междунар. науч.-метод. сессии (г. Москва, 23-25 ноября 2022 г.) / под общ. ред. С. М. Колесниковой. М.: МПГУ, 2022.
11. Паршина О. Д. Прецедентный феномен «прирастать провинцией»: к постановке вопроса // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 3 (38).
12. Резников Д. Р. Прецедентные имена политических деятелей в поэтических текстах Т. Кибирова // Гуманитарные чтения в Политехническом университете: сб. тр. всерос. науч.-практ. конференции: в 2-х ч. СПб.: ПОЛИТЕХПРЕСС, 2021. Ч. 1.
13. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000.
14. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
15. Чистополова А. А. К вопросу о разграничении понятий «прецедентные феномены» и «теория интертекстуальности» // Приднепровский научный вестник. 2018. Т. 12. № 3.
16. Чупрына О. Г. Прецедентность и интертекстуальность как дискурсивные явления // Парадигма гуманитарных знаний начала XXI века: межкаф. сб. науч. тр. по лингвистике и литературоведению / Московский городской педагогический университет. М., 2020.
17. Parshina O. D., Gurova I. V., Gudkova S. A. Semantics ambiguity: Russian linguistic world-image for “province” lexical unit // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Proceedings of the International Conference “Humanity in the Era of Uncertainty” (ICHEU 2021) (Samara, October 21-23, 2021). Samara, 2021. Vol. 119.

Информация об авторах | Author information

Резников Даниил Романович¹
Паршина Ольга Дмитриевна², к. филол. н., доц.
^{1, 2} Тольяттинский государственный университет

Reznikov Daniil Romanovich¹
Parshina Olga Dmitrievna², PhD
^{1, 2} Togliatti State University

¹ drreznikowv@gmail.com, ² parshinaod@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.11.2023; опубликовано online (published online): 19.12.2023.

Ключевые слова (keywords): прецедентность; прецедентное имя; оним; советский политический деятель; Т. Ю. Кибиров; precedence; precedent name; onym; Soviet politician; T. Yu. Kibirov.